

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 340

**Понятность текстов юридических документов:
фикция или презумпция?***

С. А. Белов, К. В. Тарасова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Белов, Сергей А., Тарасова, Кристина В. 2019. «Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция?» *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>

Проблема правовых последствий (не)понятности юридических текстов для участников правовых отношений не анализируется юридической наукой, однако постоянно возникает на практике. В настоящее время судам все чаще приходится сталкиваться с ситуациями, когда участники юридических разбирательств ссылаются на непонимание смысла юридических документов как на юридически значимое обстоятельство, однако правовая теория не предлагает рецептов для оценки таких доводов. В результате суды констатируют недоказанность непонимания, но не объясняют, можно ли это доказать, и если да, то какими средствами. Проблема факта непонимания выходит за пределы традиционной правовой теории и требует обобщения практической проблематики в рамках правовой догмы. Непонимание может иметь разные формы и разные причины, требуя разных критериев оценки, однако одна из наиболее распространенных сегодня причин — усложнение языка правовых документов, его юридизация. Оставаясь в целом частью литературного языка, сохраняя основные черты естественного, общепотребительного языка, юридический язык приобретает черты особого подъязыка с присущими только ему особенностями. Не зная этих особенностей, обычный гражданин во многих ситуациях испытывает серьезные затруднения в понимании языка юридических документов, однако это обстоятельство, широко известное в обществе, обычно игнорируется судами. Обобщая судебную практику, авторы приходят к выводу, что чаще всего суды не признают факт непонимания доказанным, и если бы такой подход был единообразным, можно было бы говорить о существовании юридической фикции понимания любого текста. Однако в решениях российских судов обнаружива-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ются и дела, в которых суды признавали факт непонимания доказанным. В результате юридическая догматика должна скорее считать общий подход судов презумпцией понятности любого документа, правила опровержения которой пока в судебной практике не выработаны.

Ключевые слова: понятность юридических текстов, правовая презумпция, юридический язык, юридические документы, правовая коммуникация, юридическая лингвистика.

1. Введение. Среди проблем, обращавших на себя внимание правовой теории, проблема понимания юридических документов пока остается за рамками анализа и обсуждения.

Право широко оперирует категориями, относящимися к субъективным, психическим переживаниям человека, придавая им значение для целей правового регулирования. В частном праве признаются недействительными юридически значимые действия, в отношении содержания или последствий которых гражданин заблуждался (в российском законодательстве такие последствия предусмотрены ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. от 03.08.2018. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 10 августа, 2019. <http://www.consultant.ru>); при толковании существа сделок усилия сосредоточены на выявлении воли сторон (ст. 154, ч. 2 ст. 431 и другие положения ГК РФ); при оценке преступного поведения обязательно учитывается, понимал ли человек смысл своих действий и их последствия (ст. 25–26 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 02.08.2019).

В отношении всех подобных оценок речь идет о понимании правового смысла и последствий событий или действий, однако игнорируется вопрос, насколько эффективно эти смыслы передаются тем, что опосредует любую правовую коммуникацию, т. е. текстом юридического документа. Именно в документах фиксируются юридически значимые действия, описываются правовые последствия, понимать которые должен гражданин, однако вопрос о трудности или невозможности выполнения текстом правового документа функций коммуникативного посредника, как правило, не разрабатывается в юридической теории, хотя время от времени (и в последние годы все чаще) возникает на практике.

Понимание текста — сложный когнитивный процесс, выступающий предметом изучения лингвистики и психологии. В правовом дискурсе представления о нем сильно упрощаются, когда, например, среди канонов толкования договора устанавливается приоритет «буквального толкования текста» (ст. 431 ГК РФ).

В праве обычно не различаются непонимание правового значения событий или действий (например, отказа от наследства) и непонимание того, что именно они либо их последствия описаны в конкретном юридическом документе, тогда как эти два вида непонимания имеют совершенно разные причины, формы и последствия.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать юридическую оценку непонимания текста правового документа, поставив при этом узкий и достаточно конкретный прикладной вопрос юридической догматики: как должно констру-

ироваться установление (доказывание) непонимания юридических документов и, в частности, следует ли признавать понимание документов юридической фикцией или правовой презумпцией?

2.1. Значение понимания правовых текстов для права. Право способно выполнять социальную функцию — упорядочивать и регулировать поведение людей, только если его содержание будет иметь форму, доступную для восприятия и обеспечивающую возможность каждого участника правовых отношений понимать свои права, обязанности и ответственность. Право как социальный регулятор отличается стремлением к максимальной определенности, требующей предельно формализованной фиксации правовых предписаний и правовых фактов (событий и действий), с наступлением которых правовые нормы связывают наступление тех или иных последствий. Такая формализация выражается прежде всего в широком использовании письменных документов; их текст позволяет участникам правовых отношений судить о своих правах и обязанностях, а также о правах и обязанностях других участников.

Нормативные акты формулируют общие нормы и правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение в ситуациях, круг которых определяется общими критериями. Предполагается, что содержание таких актов должно быть известно любому человеку, поскольку при выполнении необходимых условий их действие может касаться каждого.

Ненормативные документы главным образом направлены на фиксацию тех фактов, с наступлением которых правовые нормы связывают определенные последствия. Подобная фиксация может выражаться в документальном оформлении волеизъявления (например, совершения сделки). Поскольку содержание таких документов затрагивает права и обязанности конкретных людей, доступность этого содержания должна обеспечиваться не любому и каждому, а именно тем, чьих прав и интересов оно касается.

В случаях как с нормативными, так и с ненормативными документами доступность их содержания — гарантия прав участников правоотношений. Как обеспечивается такая доступность? Фактически сегодня право признает главным образом гарантии возможности ознакомиться с текстом правового документа: для нормативных актов такая возможность обеспечивается требованием их обязательного опубликования, в отношении ненормативных актов с помощью подписи на документе удостоверяется, что с его содержанием знаком тот, от чьего имени этот документ составлен (например, участники сделки), или тот, чьи права им непосредственного затрагиваются (например, лицо, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении).

Однако возможность ознакомиться с текстом документа далеко не всегда означает доступность его содержания, поскольку этот документ может быть непонятен. Требование понятности юридических документов, несмотря на то что оно упоминалось еще в римском праве, до сих пор не стало общепризнанной гарантией прав и законных интересов.

В римском праве о требовании понятности законов (т. е. нормативных актов) шла речь в Кодексе Юстиниана (третья часть *Corpus Juris Civilis*), где было воспроизведено предписание императоров Валентиниана и Мартиана претору Палладиусу: «Самые священные законы, которые контролируют жизнь людей, должны быть

поняты всеми людьми, чтобы их положения были общеизвестны, чтобы люди могли избегать того, что запрещено, и соблюдать то, что разрешено» (Книга I. 14, 9).

Позднее этот постулат был поставлен под сомнение немецкой юридической школой в Германии XIX в. Р. фон Иеринг в «Юридической технике» сделал вывод о том, что для понимания и применения права недостаточно здравого разума, необходимо юридическое образование (Иеринг 1905, 8), таким образом отказав юристу в праве понимать юридический текст без помощи юриста. О. фон Гирке вполне разделял это мнение (Girke, 1889, 28), а Ф. К. фон Савиньи объяснял: чтобы полностью понять содержание закона, мы должны выявить грамматические правила, использованные законодателем, логическую связь между отдельными частями закона, понять, что было добавлено в право посредством этого закона, и уяснить, как связан закон со всей правовой системой и как он должен действенно с ней сочетаться (Савиньи 2011, 391). Можно обнаружить сторонников такого подхода и сегодня (Колмакова 2009).

В целом подобный подход следует воспринимать скорее как констатацию сложившегося положения дел, нежели как описание общего принципа, которым следует руководствоваться, особенно сегодня. Понятность текстов правовых документов необходима для обеспечения гарантий прав граждан, стабильности и предсказуемости правоотношений, доверия между субъектами права. Именно поэтому принципы современного демократического общества предполагают, что гражданин должен обладать полной и исчерпывающей информацией о своих правах и обязанностях.

Государство может требовать исполнения законов только в том случае, если смысл этих законов понятен тем, кто должен их выполнять. Данный тезис сформулировали и последовательно отстаивали советские правоведа (Пиголкин 1972, 17), разделяют его и большинство современных российских авторов (Ушаков 2008, 231–232; Сухина 2008, 116). В ряде зарубежных стран (Швеции, ФРГ, США и др.) возникло движение за «простой язык» (*plain language*) юридических документов (Balmford 2002); в США оно вылилось в принятие в 2010 г. специального закона, требующего подготовки правовых документов на «простом» языке.

Отказывая гражданам в праве непосредственно участвовать в правовой коммуникации, самостоятельно понимать сформулированные в правовых текстах правила поведения или осознавать содержание документа, оформленного от их имени и выражающего их волю, настаивая на необходимости прибегать к помощи сведущих и квалифицированных юристов, государство не могло бы ожидать от граждан ответственного и осознанного социального поведения. Все это размывало бы ответственность, порождало бы обвинения не только в зависимости от помощи людей, обладающих специальными знаниями, но и в том, что такая ситуация специально создана в их интересах, для манипулирования неподготовленными обывателями и их эксплуатации. Это противоречило бы целому ряду современных конституционных принципов и норм: принципу народовластия (издание законов стало бы делом тех же носителей особого знания); принципу защиты достоинства личности; нарушало бы право на информацию обо всем, что касается прав, обязанностей и ответственности, и право на участие в управлении делами государства. Для современного демократического государства такая ситуация явно неприемлема, поэтому требование понятности правовых актов можно рассматривать как

принцип, по-разному проявляющийся в различных правовых нормах и институтах.

2.2. Требование понятности как правовой принцип и правовая норма. Прежде всего обратимся к практике Конституционного суда РФ. Наиболее определенно Конституционный суд РФ сформулировал требование понятности закона «субъектам соответствующих правоотношений» в Постановлении от 23.09.2014 № 24-П (п. 3.5 Постановления Конституционного суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова»). Фактически это требование можно рассматривать как часть требования правовой определенности, выводимого Конституционным судом РФ из конституционного принципа равенства перед законом и судом.

Статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод требует, чтобы каждому арестованному незамедлительно сообщались причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение на понятном ему языке. В практике Европейского суда по правам человека (*Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom* (жалобы 12244/86, 12245/86, 12383/86) — решение палаты от 30.08.1990, [1990] ECHR 18, § 40) и в комментариях к упомянутой Конвенции (Jacobs, White and Ovey 2010, 214)¹ это положение интерпретируется как требование, чтобы юридические и фактические основания для ареста были изложены «простым», «нетехническим» языком, понятным для задержанного.

Требование понятности юридических документов разных видов фигурирует и в действующем российском законодательстве. В отношении отправления правосудия требование предъявляется к судебным решениям в ст. 169 Арбитражного процессуального кодекса РФ (Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ в ред. от 25.12.2018), однако на практике упоминается судами и в других видах судопроизводства: приговор суда должен быть законным, обоснованным, а также *написан в доступных выражениях, понятных всем участникам процесса* (приговор Выксунского городского суда Нижегородской области от 12.07.2012 по делу № 10-13-2012). Статья 339 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) (Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 02.08.2019) предусматривает, что инструкции присяжным заседателям должны даваться на понятном им языке.

В системе исполнительной власти требование понятности более универсально, хотя устанавливается не нормативным, а скорее программным документом — Концепцией открытости федеральных органов исполнительной власти, утв. Правительством РФ в 2014 г. (Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти»). Концепция устанавливает *принцип понятности* среди принципов открытости федеральных органов исполнительной власти и предъявляет требование понятности в том числе к нормативно-правовым актам, издаваемым органами исполнительной власти. Это требование было позднее воспроизведено в актах, обеспечивающих политику открытости, практически всех федеральных органов исполнительной власти.

¹ Аналогичные требования содержатся и в Директиве ЕС 2012/13/EU от 22.05.2012 о праве на информацию в уголовном процессе (Official Journal of the European Union. 2012. L 142/1).

В гражданском обороте каждый участник действует по своей воле и в своем интересе. Разумеется, это возможно не формально, а по существу, только если, совершая сделку или любое юридически значимое действие, человек понимает содержание тех документов, которые оформляют соответствующие действия. Обеспечивается такое понимание в действующем законодательстве, в частности, требованием, чтобы нотариус разъяснил сторонам смысл и значение представленного ими проекта сделки и проверил, соответствует ли его содержание действительным намерениям сторон (ст. 54 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 в ред. от 27.12.2018).

Неисполнение этой обязанности нотариусом может повлечь недействительность сделки, если лицо, ее совершившее, заблуждалось относительно ее смысла и последствий, несмотря на то что поставило подпись под соответствующим документом. Примером такой ситуации может быть дело Е. О. Евсюковой, дошедшее в 2014 г. до Верховного суда РФ (Определение Верховного суда РФ от 25.03.2014 № 4-КГ13-40). Пересматривая решения нижестоящих судов, Верховный суд указал, что вследствие неисполнения нотариусом установленной законом обязанности волеизъявление гражданки, совершившей сделку, не соответствовало ее действительной воле. Подпись под документом не была принята как *ultima ratio*, поскольку Верховный суд фактически признал, что ознакомление с документом не означает понимания его смысла и связанных с ним последствий. Между тем, как будет видно из дальнейшего изложения, российские суды, к сожалению, далеко не всегда следуют такой логике.

2.3. Особенности языка юридических документов. Доводом в пользу того, что современные правовые системы стремятся к понятности текстов юридических документов для всех граждан, может служить и то, что большинство таких текстов составляются на естественном, общеупотребительном языке. Правда, в этом отношении ситуация вряд ли однозначна.

Как отмечает в своих работах основоположник российской юридической лингвистики Н. Д. Голев (Голев 2000, 2004), современное право пользуется естественным языком, в большей или меньшей степени добавляя в него юридическую специфику. Язык одних юридических документов (жалоб, заявлений, протоколов допроса, отражающих обыденную речь) имеет естественный характер, сохраняя признаки естественной речи, лишенной внутренних юридических условностей и значимостей (Голев 2000, 21), язык других (например, нормативных актов и других документов, исходящих от органов публичной власти) приобретает определенную стилистическую специфику, которая предопределяется особенностями правового содержания, однако все равно сохраняет основные свойства естественного языка.

Ни депутаты и другие должностные лица органов публичной власти, которые своими решениями утверждают нормативные акты, ни граждане, которые выступают основными адресатами нормативных актов, в основной своей массе не имеют юридического образования и не являются профессиональными юристами. Их языковая компетенция не предполагает полного переключения на особый юридический язык, и поэтому, иногда в ущерб юридической точности и определенности, правовые акты пишутся на естественном языке, в результате чего часто не удается избежать двусмысленности и добиться точности, необходимой для юридических документов. Решение этой проблемы — главным образом в использовании специ-

альных терминов, но и здесь юридический язык не может вполне оторваться от общеупотребительного. В юридических текстах редко используются термины иноязычного происхождения, чаще терминологизируются слова общеупотребительного языка, что порождает дополнительные трудности различения их обыденного и специального терминологического значения. Основная причина — в стремлении к понятности и доступности юридических текстов.

Однако отмеченное — лишь одна сторона такого явления, как юридический язык. Другая сторона состоит в том, что этот язык становится все более и более специализированным и труднопонятным обычным гражданам, причем не только из-за широкого использования специальных терминов, но и вследствие применения особых синтаксических конструкций, привычных для тех, кто постоянно и много работает с такими документами, и труднопонимаемых неспециалистами. Подобная тенденция отчетливо видна в развитии современного законодательства, и самое расхожее ее объяснение состоит в постоянном усложнении предмета правового регулирования. Синтаксическое усложнение часто представляет собой все большее включение в формулировки отдельных статей разных нюансов регламентируемой ситуации (в том числе с учетом практики применения соответствующей нормы закона), терминологическое возникает в связи с появлением новых экономических, политических и иных социальных институтов. Именно поэтому и встает общая проблема понимания текстов юридических документов, составляющая основной предмет настоящей статьи.

По причине существенной специализации юридического языка и его относительного обособления от естественного языка возникают трудности понимания текстов юридических документов у обычных граждан, неспециалистов. Правовых гарантий знакомства с текстом документа в этом случае недостаточно для презумпции, что его юридическое содержание будет доступно гражданину.

2.4. Понимание текста правового документа. Феномен понимания текста довольно сложен и выступает предметом изучения психологии и лингвистики (а также научной области на стыке этих наук — психолингвистики).

Упрощая ситуацию для целей настоящей работы, механизм понимания текста можно описать следующим образом. Текст представляет собой инструмент коммуникации — передачи информации, которая в закодированном виде передается адресату (реципиенту), после чего адресат декодирует сообщение, мысленно реконструируя смысл (в том числе понятия и категории), который закладывал в текст его автор². Понимание юридического текста — это внутренний интеллектуальный процесс представления права (нормы права) в наиболее вразумительной для субъекта форме (Гредескул 1900, 80).

Непонимание может быть связано с тем, что: 1) те категории и конструкции, которые составляют семантическое наполнение текста, неизвестны реципиенту

---

² Правовая коммуникация может предполагать очевидное противопоставление адресанта («автора») и адресата («читателя») текста. Так происходит с текстами нормативных правовых актов: издавший орган посредством нормативного акта передает информацию о правовых предписаниях или запретах тем, кому они адресованы. Стороны коммуникативного взаимодействия и стороны юридического отношения почти совпадают. Иначе обстоит дело с юридическими документами, которые издаются от имени гражданина. «Подписанты» этих документов в юридическом смысле рассматриваются как их авторы. Однако составляют документы, как правило, не они сами, и в коммуникативном отношении их следует считать скорее адресатами, нежели авторами этих текстов.

(читателю); либо 2) реципиент не способен раскодировать текст и соотнести его содержание с известными ему понятиями.

Применительно к правовым текстам первую ситуацию можно охарактеризовать как юридическую неграмотность либо отсутствие необходимого социального опыта, вторую — как невладение «юридическим» языком и неспособность понять смысл текста, описывающего понятные и известные читателю ситуации. И если в первой ситуации сложности возникают в основном на стороне реципиента (чаще всего гражданина), делая правовую коммуникацию практически невозможной, то во второй ситуации проблема состоит в неэффективности выбранных средств коммуникации, изложении понятного в целом содержания в непонятной форме. Именно вторая ситуация требует юридико-догматической оценки и квалификации, поскольку здесь возникает отчетливая проблема обеспечения прав участников правовых отношений понимать свои права и обязанности, правовое значение и последствия своих действий.

Правовое регулирование в данном случае предполагает трудно формулируемую и даже обычно не артикулируемую презумпцию того, что взрослый человек, достигший совершеннолетия, имеет достаточный социальный опыт, чтобы представлять себе, хотя бы в общих чертах, основные социальные нормы и запреты. Соотнесение содержания юридических документов с этим знанием и позволяет реконструировать смысл текстов таких документов.

Например, если в отношении гражданина составлен протокол, в котором совершенные им действия описаны словом «побои», то любому взрослому человеку, владеющему русским языком, понятно, что последствия будут заключаться в юридической ответственности за нарушение неприкосновенности другого человека. При этом, не имея специальной юридической подготовки, гражданин может не знать точно, о какой именно ответственности будет идти речь (о том, что, поскольку удары по телу другого человека не причинили телесных повреждений, за них наступает административная, а не уголовная ответственность). Опасаясь нарушения своих прав, гражданин имеет возможность обратиться за помощью к профессиональному юристу, чтобы понять условия и характер наступающей ответственности, но в целом ситуация будет ему вполне понятна.

В определенных случаях непонимание может касаться не ситуации в целом, а отдельных юридических обстоятельств, которые имеют принципиальное значение в конкретной ситуации, причем трудности зачастую связаны с различием значения слова как юридического термина и как слова общепотребительного языка. Например, формулировка «пожизненное содержание с иждивением» для неспециалиста может означать полное содержание, т.е. обязанность оплачивать любые расходы в любом объеме, тогда как закон оговаривает установление объема такого содержания и даже возможность замены содержания в натуре денежными выплатами.

Изложение содержания юридического документа сложным и непонятным «юридическим» языком зачастую порождает ситуации, когда не только ознакомления с документом, но и простого владения языком, его грамматикой и общепотребительной лексикой оказывается недостаточно для полного осознания своего юридического статуса. Вместе с тем ссылки на такие обстоятельства суды обычно воспринимают очень критично.

2.5. Судебная оценка ссылок на заблуждение: фикция понимания? Не вдаваясь в проблемы понимания, суды исходят из того, что ознакомление с юридическим документом одновременно означает и понимание его содержания. Аргументы участников судебных разбирательств, что смысл прочитанного юридического документа остался непонятен, суды воспринимают как попытку злоупотребления своими правами, прежде всего как способ уйти от ответственности.

Граждане ссылаются на то, что они не поняли смысла какого-то юридического документа в связи с тремя видами обстоятельств (Ревазов 2019а): 1) вследствие особенностей физического состояния (болезнь, состояние опьянения в момент чтения документа, преклонный возраст и т. д.); 2) из-за плохого владения языком (имея в виду плохое владение языком вообще, а не непосредственно юридическим языком); 3) ввиду дефектов самого юридического документа — либо из-за неясности или неопределенности содержания документа, отсутствия необходимых ссылок на другие правовые акты, в развитие положений которых этот документ был издан, либо вследствие сложности и недоступности для понимания конкретного гражданина юридической терминологии или сложных синтаксических конструкций. В контексте проблем, поставленных в рамках настоящей статьи, предметом анализа будут обстоятельства последней, третьей, группы.

Что касается текстов нормативных правовых актов, то их публикация для всеобщего сведения рассматривается как достаточное основание предполагать не только знание, но и понимание его содержания³. Например, Иркутский областной суд, взыскивая с пенсионерки выплаченную ей доплату к пенсии в связи с осуществлением трудовой деятельности и отсутствием в связи с этим права на эту доплату, сослался на несостоятельность доводов о том, что она не знала и не понимала обязанность уведомить Пенсионный фонд о своей трудовой деятельности. Как указал суд, «на лицо, подпадающее под действие упомянутых нормативных правовых актов, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона, непонимание его норм не освобождает от ответственности за его нарушение» (Апелляционное определение Иркутского областного суда от 29.06.2017 по делу № 33-6132/2017). В другом деле обязанность осознавать правовое значение факта нахождения дома в управлении конкретной организации была выведена Десятинадцатым апелляционным арбитражным судом из «общеизвестного принципа юридической ответственности в Российской Федерации — презумпции знания закона» (Постановление Десятинадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2017 № 19АП-7301/2015 по делу № А35-361/2015).

Что касается ненормативных актов, то наличие подписи гражданина на юридическом документе суды рассматривают в качестве доказательства того, что гражданину известно и понятно содержание этого документа. Например, Свердловский областной суд пришел к выводу: «Кредитный договор подписан истицей собственноручно, что свидетельствует о том, что до сведения истца была доведена информа-

---

³ Суды, рассматривающие уголовные дела, признают, что участник уголовного судопроизводства может не знать или не понимать отдельных юридических терминов, поскольку у него отсутствуют профессиональные знания в области права, однако никаких практических выводов из этого суды не делают. См., напр.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 30.05.2017 № 5-АПУ17-18; Апелляционные постановления Московского городского суда от 02.03.2017 № 10-2346/2017; от 20.10.2017 № 10-14974/2017; от 28.09.2017 № 10-16036/2017.

ция о полной стоимости кредита, об ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств по договору» (Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.05.2017 по делу № 33-7126/2017), а Московский городской суд заключил: «Подписывая текст договора, истец не мог не понимать, что он выступает как заемщик и несет ответственность по договору займа перед ответчиком» (Определение Московского городского суда от 14.11.2017 № 4Г-12726/2017). Похожий вывод был сделан и Пермским краевым судом: «Учитывая, что истица была ознакомлена с договором купли-продажи, подписала данный договор, лично участвовала в подписании договора, позиция истца о том, что она не понимала правовых последствий сделки (утрата права собственности) и не желала их наступления, не может быть признана обоснованной» (Апелляционное определение Пермского краевого суда от 24.09.2014 по делу № 33-8509). Ленинградский областной суд, помимо ссылки на сам факт подписания договора, указал: «Перед заключением договора страхования с истцом в письменной форме были согласованы все его условия, которые после предварительного их согласования нашли свое отражение в тексте заявления о добровольном страховании и тексте договора страхования, которые он лично подписал, что свидетельствует о том, что истец понимал смысл, значение и юридические последствия, связанные с возникшими обязательствами» (Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 24.08.2017 № 33-4724/2017).

При оценке качества текстов юридических документов суды чаще всего исходят из собственных представлений о понятности языка. Наиболее красноречиво об этом свидетельствуют отказы в разъяснении текстов судебных решений со ссылкой на то, что текст, составленный «грамотным юридическим языком», в разъяснениях не нуждается (Определение Арбитражного суда Центрального округа от 08.10.2014 по делу № А64-2673/2013; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2015, без номера), достаточно внимательного прочтения документа, например кредитного договора (Решение Заволжского районного суда города Ульяновска от 14.09.2016 по делу № 11-135/2016; Решение Ленинского районного суда г. Иркутска от 07.09.2016 по делу № 2-3692/2016).

Отказывая в придании правовых последствий непониманию гражданином смысла юридического документа, суды приводят самые разнообразные аргументы в пользу того, что гражданин мог получить необходимые знания о его содержании: например, он мог обратиться за квалифицированной юридической помощью (Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2015 по делу № 33-6227; решение Красноярского краевого суда от 04.07.2016 по делу № 33-8554/2016)⁴, мог знать законодательство в силу трудовых обязанностей начальника отдела кадров (Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 16.05.2016 по делу № 33-1151-2016) или в результате занятия предпринимательской деятельностью (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2015 № 13АП-19087-2015 по делу № А42-803-2015). При этом действующим законодательством «не требуется наличия специальных познаний (профильного образования, “понимания” и пр.) как обязательного усло-

---

⁴ Такой вывод суды иногда делают, даже признавая, что текст законодательного акта действительно непонятен обычному человеку, но путем обращения за квалифицированной юридической помощью эта проблема может быть решена (Решение Ленинского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 15.03.2011 по делу № 2-489/2011).

вия ведения коммерческой деятельности, осуществления полномочий генерального директора, создания юридических лиц. Достаточно того, что лицо является дееспособным, следовательно, подписание документов свидетельствует о том, что оно понимало или должно было понимать смысл подписываемых документов» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2011 № 09АП-20798-2011-АК по делу № А40-6680-11-129-29).

Во всей массе проанализированных решений (около 1,5 тыс.), в тексте которых так или иначе упоминалось непонимание смысла документа (Ревазов 2019а; 2019b), наблюдается общая тенденция: подавляющее большинство из них содержат отказ принимать во внимание аргументы о непонимании юридического документа. Учитывая, насколько часто суды отказываются признавать заслуживающими внимания доводы о непонятности, можно поставить закономерный вопрос: не имеем ли мы в данном случае дело с юридической фикцией — фикцией понимания гражданином любого юридического документа, доступ к которому и возможность его прочтения были ему обеспечены? Фикция означает придание юридических последствий какому-то обстоятельству независимо от того, соответствует ли оно действительному положению дел, — такое обстоятельство считается существующим, даже если известно о его фактическом отсутствии, в силу допущения или даже предписания объективным правом (Дормидонтов 2011; Ойгензихт 1976, 14). Опровержение юридической фикции невозможно. Всеобщее знание закона (правознакомство, т. е. осознание границ правомерного поведения) уже предлагал для целей уголовного права считать юридической фикцией, от которой необходимо отказать, Н. М. Кропачев (Кропачев 1999, 121).

2.6. ...или презумпция понимания? В то же время в определенных, хотя и относительно редких случаях можно обнаружить решения, в которых суды признают сложность понимания юридических документов. В 2013 г. Высший арбитражный суд РФ (далее — ВАС РФ) в деле о банкротстве восстановил пропущенный срок подачи требований к должнику гражданином-кредитором, признав заслуживающими внимания доводы гражданина о его юридической безграмотности и отсутствии квалифицированной юридической помощи (Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 14452/12 по делу № А82-730/2010-30-Б/11-33т). В похожей ситуации год спустя Девятнадцатый апелляционный арбитражный суд принял аналогичное решение, мотивировав его тем, что заявитель — физическое лицо, не обладающее специальными юридическими познаниями, а добросовестность его действий не была оспорена (Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2014 по делу № А14-16687-2009). На год раньше решения ВАС РФ Пятнадцатый апелляционный арбитражный суд согласился с аргументами представителя юридического лица, что изготовление паспорта на отходы было сделано с нарушением установленной процедуры ввиду сложности этой процедуры для понимания, признав, что противоправного умысла не было (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2012 № 15АП-10767-2012 по делу № А53-26584-2011).

В ряде других дел суды также признавали сложность некоторых административных процедур, например оформления объектов недвижимости (Решение Жуковского районного суда Брянской области от 06.04.2016 по делу № 12-7-2016) или получения средств государственного социального страхования (Решение

Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 21.03.2015 по делу № 2-7-2015). Что особенно удивительно, применяя ст. 339 УПК РФ о понятности инструкций для присяжных заседателей, суды довольно часто прямо или косвенно признают, что юридическая терминология понятна не всем присяжным заседателям; понимание правовых терминов требует юридических познаний (Апелляционные определения Верховного суда РФ от 08.04.2015 № 55-АПУ15-1сп; от 20.10.2016 № 53-АПУ16-23сп; Определения Верховного суда РФ от 24.11.2003 № 89-О03-65; от 22.12.2005 № 55-о05-21сп; от 05.04.2006 № 49-о05-94сп; от 13.05.2010 № 58-О10-25сп.).

Признавая обоснованность аргументов о заблуждении в отношении правовых последствий заключения кредитного договора, Псковский областной суд принял во внимание целый ряд обстоятельств: возраст истца, юридическую неграмотность, инициативу банка в заключении договора и сложность самого заключенного договора по его природе (Апелляционное определение Псковского областного суда от 03.11.2015 по делу № 33-1802). Согласиться с подобными аргументами о сложности договора для понимания суд мог, связав это обстоятельство с нарушением кредитной организацией законодательства о защите прав потребителей (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 06.11.2014 по делу № А60-39898-2014) и с формой текста договора — мелким шрифтом без указания пунктов и разбивки на абзацы в три колонки на каждом листе (Апелляционное определение Омского областного суда от 13.07.2016 по делу № 33-6020-2016).

Получается, суды в принципе допускают возможность доказывания того, что юридический документ не был понят конкретным гражданином, и могут придать этому обстоятельству правовые последствия. Следовательно, с точки зрения юридической догматики правильнее утверждать, что предполагается существование юридической презумпции понятности любого юридического документа любому гражданину (разумеется, взрослому и владеющему в целом тем языком, на котором документ был составлен). Презумпция, в отличие от юридической фикции, есть правило, которое отражает устойчивые, часто наблюдаемые связи событий и фактов; положение, выводимое из обычного хода вещей (Ойгензихт 1976, 6). Презумпция имеет свойство опровержимости, и анализ судебной практики указывает, хотя и в самом общем виде, направления обоснования непонятности и опровержения этой общей презумпции.

Прежде всего суд самостоятельно оценивает сложность непонятого текста, ориентируясь, как было указано выше, на собственные языковые компетенции, не пытаясь оценить уровень юридической грамотности гражданина и его специальные языковые компетенции в части понимания юридического языка.

Суды обычно не рассматривают уровень образования как критерий способности понять смысл документа. В одних делах суд признал, что высшее образование (независимо от специальности) позволяет, в частности, «понять сущность процессуальных особенностей рассмотрения уголовного дела в особом порядке, для чего не требуется специальных познаний в области юриспруденции» (Апелляционное постановление Юргинского городского суда от 13.10.2016 по делу № 10-35/2016); в других — судам было достаточно среднеспециального образования (Решение Лаганского районного суда г. Лагань от 14.10.2013 по делу № 1-1/2014) и даже пяти

классов средней школы (Решение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20.02.2012 по делу № 22-180/2012).

Имеет значение и то, в каких условиях заявляется о непонимании документа. Например, в рамках уголовного производства Ивановский областной суд пришел к выводу, что если лицо изначально не заявляло о непонятности ему отдельных юридических терминов и не просило их ему разъяснить, то позже суд не должен придавать значения подобным заявлениям (Решение Ивановского областного суда от 10.11.2014 по делу № 12-200/2014). Другие обстоятельства (возраст, характер профессиональной деятельности и т. п.) суд может принять во внимание в конкретном деле, однако их сложно указывать в качестве общих оснований для опровержения презумпции понятности текста юридического документа.

Получается, что в настоящее время российская судебная практика не выработала никаких общих подходов к условиям опровержения презумпции понятности любого юридического документа обычному гражданину.

3. Заключение. Обобщая изложенное выше, можно прийти к следующим выводам. К юридическим гарантиям, обеспечивающим статус гражданина в демократическом государстве, следует относить не только гарантии ознакомления с текстами юридических документов, содержание которых затрагивает его права или обязанности, но и гарантии того, что такие тексты должны быть гражданину понятны. Проблема понимания текстов юридических документов возникает достаточно часто, так как юридический язык, хотя и представляет собой разновидность общеупотребительного литературного языка, обладает существенной спецификой, затрудняющей понимание таких текстов. Суды должны принимать это во внимание и не расценивать аргументы о непонятности какого-то документа (будь то нормативный или индивидуальный правовой акт) исключительно как попытку злоупотребления правами; зачастую такие аргументы могут действительно иметь под собой основания. Учитывая, что в российской судебной практике обнаруживаются дела, в которых суды признавали факты непонимания текстов правовых актов доказанными, понятность содержания документа при обеспечении возможности ознакомиться с его содержанием с точки зрения юридической доктрины нельзя считать юридической фикцией, а следует признавать правовой презумпцией. Такая презумпция опровержима, хотя условия ее опровержения судебная практика пока не выработала; одно и то же обстоятельство может рассматриваться как основание признать, что правовой акт был не понят, и не рассматриваться в качестве такового. Учитывая, что речь идет о внутреннем, субъективном восприятии текста правового документа, нельзя опираться на одни только объективные, внешние критерии. Механизмы установления обстоятельств субъективной стороны, хотя и разработаны в ряде отраслей права (прежде всего в уголовном), универсального общеправового признания, по крайней мере в отношении рассматриваемой ситуации, пока не имеют, что создает существенные трудности в формировании общих условий опровержения описанной презумпции на практике.

Библиография

Дормидонтов, Григорий Ф. 2011. «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Часть первая. Юридические фикции и презумпции». *Вестник гражданского права* 1: 217–269; 3: 168–240.

- Голев, Николай Д. 2000. «Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема». *Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии*: 8–40.
- Голев, Николай Д. 2004. «О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования». *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*: 39–57.
- Гредескул, Николай А. 1900. *К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование*. Харьков: Типография Адольфа Дарре.
- Иеринг, Рудольф фон. 1905. *Юридическая техника*. СПб.: Типо-литография А. Г. Розена (А. Е. Ландау).
- Колмакова, Валентина В. 2009. Проблема взаимодействия юридического и естественного языка. *Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования: сб. науч. ст. по мат-лам III Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 октября 2008 г.* Ростов н/Д.
- Кропачев, Николай М. 1999. *Уголовно-правовое регулирование: механизм и система*. СПб.: СПбГУ.
- Ойгензихт, Виктор А. 1976. *Презумпции в советском гражданском праве*. Душанбе: ИФРОН.
- Пиголкин, Альберт С. 1972. «Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи». *Ученые записки* 26: 3–20.
- Резавов, Михаил А. 2019а. «Оценка понятности для граждан языка правовых актов. (часть 1)». *Мониторинг правоприменения*. Дата обращения 15 августа, 2019. <http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/osnovy-pravovoj-sistemy/item/446-otsenka-ponyatnosti-dlya-grazhdan-yazyka-pravovykh-aktov-chast-1>.
- Резавов, Михаил А. 2019б. «Оценка понятности для граждан языка правовых актов (часть 2)». *Мониторинг правоприменения*. Дата обращения 15 августа, 2019. <http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/osnovy-pravovoj-sistemy/item/447-otsenka-ponyatnosti-dlya-grazhdan-yazyka-pravovykh-aktov-chast-2>.
- Савиньи, Фридрих К. фон. 2011. *Система современного римского права*. Т. I. М.: Статут.
- Сухина, Ирина В. 2008. «Презумпция знания закона в реализации Конституции Российской Федерации». *Конституционный вестник* 1 (19): 116–126.
- Ушаков, Александр А. 2008. *Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык*. М.: РАП.
- Balmford, Christopher. 2002. *Plain Language: Beyond a Movement*. Дата обращения 15 августа, 2019. <https://www.plainlanguage.gov/resources/articles/beyond-a-movement>.
- Girke, Otto 1889. *Der Entwurf BGB ist das deutsche Recht*. Berlin.
- Jacobs, Francis G., White, Robin C. A., Ovey, Clare. 2010. *The European Convention on Human Rights*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2019 г.,
рекомендована в печать 27 августа 2019 г.

Контактная информация:

Белов Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доц.; s.a.belov@spbu.ru
Тарасова Кристина Владимировна — аспирант; tarasovachristine@gmail.com

Intelligibility of legal documents: legal fiction or presumption?*

S. A. Belov, K. V. Tarasova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

* The reported study was funded by grant of Russian Science Foundation, project no. 19-18-00525 “Intelligibility of the official Russian language: legal and linguistic problems”.

For citation: Belov, Sergei A., Tarasova, Kristina V. 2019. "Intelligibility of legal document: legal fiction or presumption?" *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401> (In Russian)

The authors of the article focus on the problem of legal assessments and legal consequences of (not) understanding of legal documents (both normative and individual acts). Many legal norms recognize this circumstance as relevant for law, requiring the intelligibility of legal documents, though the application of its legal significance and consequences are not clear. In the researched Russian judicial practice more and more often citizens cite instances where, that in spite of provided access to a legal document, they could not follow the meaning because they could not understand them. A reason for this situation is the complicated language of legal texts, The authors conduct an analysis of Russian judicial decisions to conclude that the Russian courts usually do not acknowledge for legal purposes the fact of not understanding legal documents. This could lead to the conclusion that intelligibility of a legal document is a legal fiction recognized regardless of the facts. Nevertheless, some rare judicial judgments in Russian legal practice demonstrate that a lack of comprehension of the legal documents was acknowledged by the court. Based on this, the authors finally conclude that an understanding of legal documents can be treated as a presumption rather than fiction, but leave open the question of how this presumption can be rebutted.

Keywords: intelligibility of legal texts, legal language, plain language, legal documents, legal communication, legal linguistics, legal fiction, legal presumption.

References

- Balmford, Christopher. 2002. Plain Language: Beyond a Movement. Accessed August 15, 2019. <https://www.plainlanguage.gov/resources/articles/beyond-a-movement>.
- Dormidontov, Grigorii F. 2011. "Classification of the phenomena of legal life related to cases of fiction. Part one. Legal Fiction and Presumption". *Vestnik grazhdanskogo prava* 1: 217–269; 3: 168–240. (In Russian)
- Gircke, Otto 1889. *Der Entwurf BGB ist das deutsche Recht*. Berlin.
- Golev, Nikolai D. 2000. "Legalization of natural language as a linguistic problem". *Iurilingvistika-2. Russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii*: 8–40. (In Russian)
- Golev, Nikolai D. 2004. "On the specifics of the language of law in the system of the nationwide Russian language and its legal functioning". *Iurilingvistika-5: Iuridicheskie aspekty iazyka i lingvisticheskie aspekty prava*: 39–57. (In Russian)
- Gredekul, Nikolai A. 1900. *To the doctrine of the exercise of law. The intellectual process required to exercise law: a socio-legal study*. Kharkov, Adolf Darre Publ. (In Russian)
- Iering, Rudolf von. 1905. *Legal Technique*. St. Petersburg: A. G. Rosen (A. E. Landau) Publ. (In Russian)
- Jacobs, Francis G., White, Robin C. A., Ovey, Clare. 2010. *The European Convention on Human Rights*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Kolmakova, Valentina V. 2009. The problem of the interaction of legal and natural language. *Iuridicheskaia nauka i metodologiya prepodavaniia iuridicheskikh distsiplin v usloviakh reformirovaniia sistemy vysshego obrazovaniia: sb. nauch. st. po mat-lam III Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. 10–11 oktiabria 2008 g.* Rostov-on-Don. (In Russian)
- Kropachev, Nikolai M. 1999. *Criminal legal regulation: mechanism and system*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. (In Russian)
- Oigenzikht, Viktor A. 1976. *Presumption in Soviet civil law*. Dushanbe, IFRON Publ. (In Russian)
- Pigolkin, Al'bert S. 1972. "The main features of the language of legislation as a special style of literary speech". *Uchenye zapiski* 26: 3–20. (In Russian)
- Revazov, Mikhail A. 2019a. Evaluation of intelligibility of language of legal acts for citizens (part 1). *Materials of law-enforcement*. Accessed August 15, 2019. <http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/osnovy-pravovoj-sistemy/item/446-otsenka-ponyatnosti-dlya-grazhdan-yazyka-pravovykh-aktov-chast-1>. (In Russian)

- Revazov, Mikhail A. 2019b. Evaluation of intelligibility of language of legal acts for citizens (part 2). *Materials of law-enforcement*. Accessed August 15, 2019. <http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/osnovy-pravovoj-sistemy/item/447-otsenka-ponyatnosti-dlya-grazhdan-yazyka-pravovykh-aktov-chast-2>. (In Russian)
- Savin'i, Fridrikh K. fon. 2011. *The system of modern Roman law*. Vol. I. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Sukhinina, Irina V. 2008. "Presumption of knowledge of the law in the implementation of the Constitution of the Russian Federation". *Konstitutsionnyi vestnik* 1 (19): 116–126. (In Russian)
- Ushakov, Aleksandr A. 2008. *Favorites: Essays on Soviet Legislative Style. Law and language*. Moscow, RAP Publ. (In Russian)

Received: April 27, 2019
Accepted: August 27, 2019

Authors' information:

Sergei A. Belov — PhD in Law, Associate Professor; s.a.belov@spbu.ru
Kristina V. Tarasova — PhD student; tarasovachristine@gmail.com